

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Б.У. Китинов

Кафедра всеобщей истории
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 10а, Москва, Россия, 117198

В статье изучается вовлечение цивилизационных показателей в политологические исследования. По мнению автора, в западной политической науке указанная тема получает свое дальнейшее развитие (после известной работы С. Хантингтона) в привлечении наследия восточной политической мысли. Понимание политических, экономических, социальных и иных процессов может стать более системным и выверенным, если принимать во внимание исторические и цивилизационные парадигмы и паттерны.

Ключевые слова: политика, цивилизация, межкультурное взаимодействие, геополитические ресурсы, политические трансформации, геополитическая культура.

Политика — это способность, в пределах определенного времени и пространства, акцентации очевидных (необходимых) преимуществ в интересах отдельных групп и обществ [17. С. 11]. Насколько значительны последствия политики, зависит от мастерства и знаний участников процесса; здесь под знаниями подразумевается вся полнота информации, имеющая различное отношение к обществу или процессу, цивилизационным показателям или истории.

Обычно политическую жизнь изучают как поведенческую систему, находящуюся в определенном взаимодействии с окружающей средой: ее окружает социальное поле, духовно-психологические константы, физические объекты, субъекты и т.п. Такое уточнение окружений важно, поскольку она, будучи по своей природе социальной системой, вернее, ее особой частью, является открытой системой. Этот момент предполагает известную степень реагирования на изменение условий жизни, работы, взаимодействия с окружающим миром. Случаются ситуации, процессы, которые заставляют политическую систему реагировать, выработать некие алгоритмы, клише, способствующие практической автоматизации принимаемых решений. В противном случае начинают действовать механизмы адаптации.

Политическую систему ждут всевозможные трансформации, начиная от изменения внутренней структуры, функций и вплоть до изменения главных целей [6]. Могут изменяться и идеологическое оформление, и идеологические союзники. Разумеется, может измениться и любое иное окружение, начиная от политических союзников и заканчивая экономическими партнерами. Надо отметить, что далеко не каждая политическая структура может подвергнуть себя (добровольно!) таким фундаментальным изменениям. Какие общества выдержат подобные трансформации? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть реактивную способность обществ на возмущение со стороны окружающей среды.

Менее всего ригидны общества обширного региона, обнимающего Южную, Юго-Восточную Азию, Дальний Восток. Здесь общества традиционно находятся под давлением со стороны светских властей, а религия и религиозные лидеры либо действуют совместно со светской властью, либо в значительной степени подчинены ей. Такого рода обстоятельства следует всегда принимать во внимание, поскольку ученые, исследующие теоретическую политологию, редко обращают внимание на ригидность региональных политических систем. При политологическом исследовании недостаточно внимания обращается на ряд моментов, например, таких как влияние традиций, тенденции развития, способности к саморазвитию, т.е. на то, что нелегко поддается квантизации. Редкая политическая система способна долго развиваться в условиях равновесия, да и окружающие ее иные системы вряд ли допустят такую ситуацию. И все же не каждая система извлекает необходимые уроки, чтобы обрести способности к саморегулированию, активной адаптации к новым историческим условиям, не каждая система делает необходимые выводы и закладывает их для будущих поколений. Соответственно, не все системы последовательно реализуют, из поколения в поколение, из века в век, жизненно важные для нации и государства цели и задачи.

Предполагается, что для политических систем и сообществ важно достижение и сохранение политической стабильности, равновесия. Однако, как показывает опыт, это случается не часто, особенно в наше время. Время же изменяет понятия, саму оценку ситуаций и процессов, и теперь то, что сейчас называется «стабильностью», раньше могло называться «спонтанными изменениями ситуации». Для анализа таких явлений существует ряд концептуальных и эмпирических трудностей. Прежде всего, предполагается, что власть, ее политические институты в случае дисбалансов и возмущения окружающей среды стремятся вернуться к исходной точке равновесия, либо найти другую основу для стабильности. Получается, что цель субъектов действия — достижение предыдущего состояния. Но каким образом достичь этого? Какие варианты могут быть рассмотрены? Насколько вероятно, что общество готово именно на такие, а не иные решения, насколько оно стремится в прошлое? Кроме того, нельзя не допустить того, что в единой системе возможно действие каких-то менее значимых систем, механизмов, в действительности сориентированных на внесение дисгармонии, поддержку перманентного дистурбанса.

Следует разработать на теоретическом уровне такие аппроксимации возможной реальности, которые могли бы предвосхитить влияние на ситуацию факторов,

прежде недооценивавшихся, либо вообще не принимавшихся в расчет. Важным становится привлечение в теоретическую модель исторических констант и значений, понимания важности межцивилизационного взаимодействия. Действительно, история полна примерами, когда после взаимодействия с проблемными ситуациями властные структуры, да и вообще само общество выходили на новый уровень развития, становясь более гибкими и реактивными. Допуская отступление в одном, эти структуры наверстывали упущенное в другом. Более того — история имеет свойство повторяться, соответственно, возможно постижение неких парадигм в развитии процессов или тенденций для их аппликации к изучаемым явлениям [13].

По причине разного рода трансформаций и модификаций, структуры власти находят порой алогичные, но действенные, конструктивные решения, позволяющие не столько вернуться к исходной, добифуркационной точке, сколько оказаться над всей ситуацией. Трансмутации может быть подвергнуто и само общество, вследствие чего оно воспринимает вновь созданную реальность как наиболее позитивный (исходя из прежней логики, также искомый) результат.

В западной политологической литературе, посвященной исследованию текущих и возможных политических конфликтов, чреватых военными столкновениями, немалое внимание уделяется вопросам ограниченности ресурсов, политической нестабильности и потенциалов конфликтов [10; 14]. Утверждается необходимость исследования так называемой «ресурсной геополитики», которая может привести к столкновению государства не только приграничные, но и более удаленные. Если прежде геополитика исходила из необходимости контроля над определенными регионами как априори принципиальными, безоговорочно необходимыми для мощи и влияния страны или группы стран, то теперь детерминантой геополитических процессов выступили специфические показатели: геология (недра), экология и изменение климата.

Специфика западной политологии заключается в том, что она в своих исследованиях редко опускается ниже определенного временного континуума: европейская обычно начинается со середины XVII века (Вестфальский мир), американская — с периода войны за независимость. В имеющихся публикациях отмечается этот существенный недостаток, поскольку признается, что исторические данные нужны не только для подтверждения сегодняшних теорий, но и для достижения более полной картины и понимания явных и подспудных процессов и явлений [15; 18]. Например, европейские специалисты отмечают, что США, предпринимая свои действия в зоне Центральной Азии и Каспия, не обладают достаточной информацией о народах, населяющих этот регион, их культурном наследии. В частности, на Каспии и в Центральной Азии им нельзя отказываться от России, имеющей давнее влияние в этом регионе [22].

Еще одно традиционное направление западной политологии — это изучение демократического процесса. В наши дни его значение еще более возросло. По мнению политологов, либеральные нормы регулируемой политической конкуренции и взаимного уважения могут способствовать развитию демократического мира, однако сам факт наличия избирательных институтов не является достаточ-

ным для гарантии мира. Необходимо не только укрепление демократии, но также восприятие либеральных ценностей и норм элитой и общественностью [16]. Так, Ф. Закария обращал внимание на увеличение числа стран с нелиберальной демократией [20]. Ученые соглашались с восприятием на Востоке западных выборных институтов как порождения западной цивилизации, однако полагают возможным различать, или, вернее, не сводить цивилизацию (понимаемую ими как «современная») к отдельным проявлениям христианства. Процесс воздействия западных политических институтов на региональные цивилизации и культуры по-прежнему является предметом изучения.

Влияние западной культуры и цивилизации породило различные проявления реакций на Востоке. По мнению Джаясурии, слияние традиционного азиатского авторитаризма и сравнительно позднего развития капитализма порождает такую идеологию, которая не имеет значительных отличий от европейских фашистских или японской межвоенной идеологий [12. С. 88]. Джаясурия ссылается на тесную смычку государства и бизнеса, государства и среднего класса, заинтересованного в сохранении существующего положения, и резюмирует, что современная азиатская идеология — это попытки абсорбции лишь отдельных достижений современности (прежде всего в экономической сфере), исключая сопутствующий интеллектуальный потенциал (равенство, индивидуализм и т.п.) [12. Р. 90].

Отношения между государствами и нациями, в целом, можно охарактеризовать как состоящие из материально-физических и духовно-идеологических составляющих. К первым следует отнести экономические, военные и т.п., ко вторым — взаимодействие образов жизни, идентификацию и др. Взаимодействие культур и наций проходит разные этапы — от первичного знакомства до глубокого и взаимовыгодного сотрудничества. Во взаимоотношениях между культурами и цивилизациями большое значение приобретает желание и возможности понять иную культуру и цивилизацию. Отношения между странами во многом, а возможно и в первостепенной важности, зависят от цивилизационного, духовного взаимопонимания или отсутствия такового. Следовательно, и экономическое сотрудничество, и политика государств становятся логично понятными и обоснованными только в случае межцивилизационной комплиментарности — на это неоднократно указывал, в частности, С. Хантингтон [5]. Вместе с тем построение компьютерных моделей, подтверждающих такую направленность, вызывает затруднения, поскольку «интегративный потенциал цивилизации порой трудно вычленишь при помощи эмпирически фиксированных характеристик в масштабах оперативной социокультурной практики, на небольших периодах времени» [1. С. 63—64]. Государству следует определиться со своими основными геополитическими интересами, которые только тогда становятся предельно осознаваемыми, когда они имеют цивилизационную семантику. На это понимание большое воздействие оказывают процессы глобализации и межцивилизационного взаимодействия («столкновение», «диалог»), где значительно влияние этноконфессионального фактора.

В политологии постоянной темой является вопрос о так называемых «геополитических ресурсах», — ресурсах, которые ввиду своей природной специфики не могут быть ограничены административными, политическими и иными границами. С ростом их потребления возрастает вероятность конфликтов. Подобным

ресурсом является и цивилизация, чьи границы во многих случаях не могут быть четко очерчены. Возможность контролировать духовную среду иных стран, где религия играет важную роль, стала важнейшим показателем влияния государства в регионе и мире, специфичным проявлением его геополитической культуры.

Под геополитической культурой автор понимает действия, характеризующие внешнюю политику, военное «поведение» страны и ее идентичность, методы и способы своего позиционирования в системе отношений между государствами. По мнению С. Вербы, политическая культура является набором «опытных представлений, выражений символов, которые определяют ситуацию, где происходит политическое действие» [7. С. 513]. Такая культура выступает производной истории страны и народов, ее населяющих, территории, а также выработанных или складывающихся в государстве геополитических теорий, представлений. Под последними следует понимать особые конструкции, позволяющие формировать уникальную композицию интересов, целей, содержания, понимания смысла существования данного народа и общества в пределах определенных границ.

Геополитическая культура стран и народов Востока отличается от тех же показателей Запада. Несмотря на имевшие место в истории нашествия восточных народов на западные, привнесение ими специфики своей геополитической культуры можно отметить лишь в отдельных случаях, тогда как после начала экспансии западных государств (с эпохи Великих географических открытий) внедрение элементов западной цивилизации стало общепринятой практикой. В наши дни ученые отмечают рост напряженности и противоречий между модернизацией и традициями.

Доминирование западной цивилизации не приводит, тем не менее, к росту рационализма в мире в том значении, которое ему придается на Западе. Потенциал западной политической науки, несмотря на ее известные успехи, оказался ограниченным, а ее политические теории применимы лишь в пределах влияния западной культуры. Все, что связано с понятием «политическая теория», оперирует методами исследования, производными от западной структуры знания. Соответственно, возникают вопросы о сущности политической теории и знания (цели, связь с политиками и т.п.). Надо признать, что современная политология, какой мы ее знаем, во многом стоит на культуре и опыте западных народов, тогда как восточная политическая мысль основывалась на мнениях отдельных личностей, которыми могли выступить религиозные, государственные и иные отдельные фигуры.

На Западе начинает утверждаться мнение, что изучение незападной политической теории позволит создать новую теорию для объяснения глобализирующегося мира с целью пересмотра границ политической мысли и действия. Тем самым демократия будет продвигаться, что вкупе с осознанием взаимной зависимости и культурного взаимодействия должно привести к уважению «иных» как «отличных» и ограничить этноцентризм [23]. А.С. Панарин также соглашается с тем, что современная политология нуждается в новом оформлении своих теорий: «...Кризис наступившей новой эпохи может быть выражен вопросом „как с помощью Востока избавить мир от угрозы всеразрушающего социал-дарвинизма?“» [3. С. 232].

Индийская культура, богатая традициями философии, метафизики, не выдвинула развернутых политических учений, в отличие, например, от китайской. По мнению известного английского политолога, ныне лорда Бхикху Пареха, это стало возможным потому, что «среди других понятий политика не разрабатывалась как отдельная сфера жизни... Индийское общество всегда было социоцентричным, охваченным системой каст во главе с руководителем. Индийская политическая мысль делала упор на обязанности руководителя и его подчиненных и редко обсуждала вопросы сущности и источников политических разногласий и конфликтов» [21. С. 383]. По его мнению, западная политическая мысль значительно богаче любой незападной.

Б. Парех счел необходимым специально выделить роль буддизма в становлении и развитии политической мысли в Индии: «В индийской так называемой политической философии вопросы всегда обсуждались социальные... за исключением короткого буддийского периода, когда Индия развила публичное государство и видела глубокие моральные и политические различия и диспуты» [21. С. 384]. Как представляется автору, подчеркивание Парехом процессов той поры аналогиями понятия «диалог»: «публичное государство», «диспуты», «обсуждать» — глубоко символично. Правда, он противопоставляет этим процессам кастовый строй Древней Индии (замкнутость, отсутствие контактов и вертикального лифтинга). Мы же считаем, что в данном случае проявлялась такая специфика индийской цивилизации, как ее способность к самоидентификации в условиях перманентных трансформаций. К сожалению, памятники индийской философии, включая богатую буддийскую, редко привлекаются специалистами-гуманитариями по ряду причин, что отмечал еще Ф.И. Щербатской, «как вследствие недостаточности доступного им материала, так и невыработанности методов его научного исследования» [2. С. IV].

Китайская политическая мысль, безусловно, превосходит индийскую. Как отмечает В.А. Красильщиков, «не случайно нынешняя наука и технология потребовали сегодня накапливавшийся тысячелетиями мыслительный и эвристический потенциал Индии и Китая» [4. С. 8].

Китайская политическая мысль издревле развивалась наряду с мифолого-философской, что было обусловлено не только спецификой истории страны, но и традиционным мировоззрением. Распад единого государства и борьба между царствами обусловили появление и развитие различных философско-политических школ (конфуцианство, легизм, моизм и др.). В VI—III вв. до н. э. были составлены такие замечательные произведения политико-философской мысли, как: «Дао дэ цзин», «Лунь юй», «Мо-цзы», «Мэн-цзы», «Чжуан-цзы». Идеал цзюнь-цзы (идеальный человек) своими истоками имеет пожелание антропоморфизации Дао, что возможно только в лице правителя-мудреца. Сочетание мудрости и светской власти, распространение благодати силы дэ среди окружающих народов — вот единственный путь достижения стабильности государства и общества, считали китайские мудрецы. Современная политическая мысль Китая по-прежнему ориентируется на указанные труды как паттерны при определении своих интересов и прогнозировании процессов.

Взаимодействие западной и восточной научной и религиозной мысли крайне важно и актуально. «Опыт исходит лишь от взаимного вопрошания и запросов, путем взаимодействия, позволяющего избегать как постоянной гибридизации, так и мягкой капитуляции. Такое взаимодействие, в свою очередь, предполагает столкновение имеющихся, но не абсолютных, различий, где иной образ жизни... раскрывает себя к изменениям в отличиях, путем выработки более глубинного, трансформативного понимания себя и другого» [8].

Ю. Хабермас в одной из своих последних работ, обсуждая вопрос идентичности и аутентичности европейской цивилизации, пришел к совершенно неожиданным выводам: после событий 2001 г. эти понятия получают новое наполнение и трактовку. Так, он считает, что христианство, демократия, высокое качество жизни и т.п. уже не являются характеристиками европейской цивилизации, поскольку все это так или иначе представлено в разных странах других континентов. В поисках действительно уникального он обращается к недавним событиям и находит то, что ищет: например, это неприятие европейским обществом войны. Таким образом, европейская цивилизация видоизменяет свои акценты.

Во многом именно наличие близких цивилизационных оснований-матриц позволяет разным странам находить общие интересы и взаимопонимание в самых сложных ситуациях, в отличие от общих экономических интересов, которые не позволяют государствам и народам подняться над проблемами и мыслить стратегически. Следовательно, никакие заверения о «взаимовыгодном сотрудничестве» и «стратегическом партнерстве» не заменят отсутствие или дискретность межцивилизационных контактов. Игнорирование политологической наукой специфики восточных цивилизаций обуславливает ненадежный фундамент межгосударственного взаимодействия и реализации геополитических интересов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Аванесова Г.А.* Современные подходы к изучению и сравнительному анализу цивилизаций // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. Материалы к IV Международной Кондратьевской конференции. Москва, 15—16 мая 2001 г. — М.: МФК, 2001. — С. 62—66.
- [2] *Дармакирти.* Обоснование чужой одушевленности. — Петербург, 1922.
- [3] *Панарин А.С.* Глобальное политическое прогнозирование. — М., 2002.
- [4] *Рашковский Е., Хорос В.* Мировые цивилизации и современность (к методологии анализа) // Мировая экономика и международные отношения. — 2001. — № 12. — С. 33—41.
- [5] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. — М.: АСТ, 2003.
- [6] *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. — Минск: Попурри, 1998.
- [7] *Culture and Political Development* / Ed. by L.W. Pye and S. Verba. — Princeton University Press, 1965.
- [8] *Dallmayr, Fred.* Alternative Visions. Paths in the Global Village. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1998. — P. 6—7.
- [9] *Fearon, James D., Laitin, David D.* Violence and the Social Construction of Ethnic Identity // International Organization. — 2000. — 54 (4). — P. 845—877.
- [10] *Gurr, Ted Robert.* On the political consequences of scarcity and economic decline // International Studies Quarterly. — 1985. — 29 (1). — P. 51—75.

- [11] *Henderson, Errol A.* Culture or Contiguity: Ethnic Conflict, the Similarity of States, and the Onset of War, 1820—1989 // *Journal of Conflict Resolution*. — 1997. — 41 (5). — P. 649—668.
- [12] *Jayasuriya K.* Understanding “Asian values” as a form of reactionary modernization // *Contemporary politics*. — 1998. — 4 (1). — P. 77—91.
- [13] *Kagan, Robert.* *The Return of History and the End of Dreams*. — N.Y.: Vintage Books, 2009.
- [14] *Klare, Michael T.* *Resource Wars. The New Landscape of Global Conflict*. — N.Y.: Metropolitan Books, 2001.
- [15] *Muhll, George E.* Von der. Ancient Empires, Modern States, and the Study of Government // *Annual Review of Political Science*. — June, 2003. — Vol. 6. — P. 345—376.
- [16] *Owen, John M.* How Liberalism Produces Democratic Peace // *International Security*. — 1994. — 19 (2) — P. 87—125.
- [17] *Politics and Vision: Continuity and Innovation in Western Political Thought* by Sheldon S. Wolin. Expanded edition. — Princeton University Press, 2004.
- [18] *Thelen, Kathleen.* Historical Institutionalism in Comparative Politics // *Annual Review of Political Science*. — June, 1999. — Vol. 2. — P. 369—404.
- [19] *Thompson, William R. & Tucker, Richard.* A Tale of Two Democratic Peace Critiques // *Journal of Conflict Resolution*. — 1997. — 41 (3). — P. 428—454.
- [20] *Zakaria, Fareed.* The Rise of Illiberal Democracies // *Foreign Affairs*. — 1997. — 76 (6). — P. 22—43.
- [21] *Conversations in International Relations: Interview with Bhikhu Parekh* // *International Relations*. — 2004. — 18 (3). — P. 381—398. URL: <http://ire.sagepub.com>
- [22] *Ferrari, Bruno.* Geopolitics — a critical assessment of the new “Great Game” in and around the Caspian Sea. URL: http://www.ciari.org/investigacao/geopolitics_greatgame_caspiansea.pdf
- [23] *Rosow, Stephen J.* Political Theory, the University and Globalization: Toward a Comparative Dialogics // *International Relations*. — 2004. — № 18. URL: <http://ire.sagepub.com>

CIVILIZATIONAL BASIS OF POLITICAL DISCOURSE

Baatr Kitinov

World History Chair
People’s Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The article is dedicated to the analysis of civilizational indices in political studies. According to the author, after the famous work of Samuel Huntington, this theme gets its further development in the Western political science in bringing Eastern political thought heritage. Understanding of political, economic, social and other processes may become more systematic and verified if we take into account the historical and civilizational paradigms and patterns.

Key words: politics, civilization, interaction among civilizations, geopolitical resources, political transformations, geopolitical culture.